

Оценка межрегиональных диспропорций в контексте политики выравнивания пространственного развития РФ

И.А. Антипин, Н.Ю. Власова, Е.А. Шишкина

УДК 332.1

DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2025-2-197-213

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа социально-экономического развития регионов России, позволяющие оценить эффективность реализуемой политики сглаживания пространственных различий. Показано, что проблема межрегионального неравенства и неравномерности развития остается актуальной, особенно по отдельным показателям. По мнению авторов, при реализации мер государственной поддержки особого внимания требуют не только регионы-аутсайдеры, но и регионы, имеющие срединное положение по ключевым параметрам. В связи с этим актуализируются вопросы территориального районирования с учетом взаимозависимостей субъектов Российской Федерации, их сотрудничества, а также оценки социально-экономической эффективности управленческих решений.

Ключевые слова: пространственное развитие; пространственное неравенство; региональная асимметрия; территориальная справедливость; выравнивание; региональная политика

Введение

Проблема межрегионального неравенства уже давно находится в фокусе общественного внимания. Концепции пространственной (территориальной), социальной справедливости прочно вошли в научный оборот. Правительства разных стран, а со времен образования ЕС – и надгосударственные структуры пытаются выработать меры по нивелированию межтерриториальных социально-экономических различий, балансируя между критериями справедливости и равенства, с одной стороны, и территориальной эффективности – с другой.

Целью данного исследования является анализ различий в уровне социально-экономического развития регионов РФ для последующего обоснования мер государственной поддержки. Ключевые методологические вопросы, волнующие авторов, – определение основ для формирования мер государственной поддержки и оценка релевантности этим целям существующих методик оценки уровня социально-экономического развития регионов. Для этого необходимо решить, какие принципы – справедливости или эффективности – должны преобладать при выборе инструментов региональной политики.

Методология исследования

Высокая степень межрегиональной дифференциации по социальным и экономическим показателям создает угрозы национальной целостности и интегрированности, приводит к неблагоприятным демографическим и социальным последствиям, влияет на уровень устойчивости отдельных регионов и страны в целом [Бухвальд, 2020; Demeterova, 2020]. Но до какой степени необходимо социально-экономическое выравнивание, каковы приемлемые границы территориальной дифференциации?

Некоторые исследователи рассматривают в качестве теоретической основы для выработки мер по выравниванию уровня социально-экономического развития территорий концепцию пространственной справедливости [Israel, Frenkel, 2018; Madanipour et al., 2022]. Последняя возникла на стыке географии и теории социальной справедливости и предполагает, что понятие справедливости должно учитывать территориальные особенности и условия [van Vulpen, 2023. С. 1825]. Неравенство регионов изначально зависело только от природно-географических и климатических условий, но по мере развития экономики и технологий на уровень межрегиональной дифференциации все больше влияют принимаемые политические и экономические решения (см., например, [Moroni 2020]).

Отметим, что в рассматриваемой области существует некая терминологическая нечеткость. Ряд авторов говорят о территориальной справедливости, другие – о пространственной. А, например, G. Pirie полагает, что наиболее подходящим понятием является «справедливость в пространстве», или «территориальная социальная справедливость» [Pirie, 1983. P. 469]. В данной работе эти термины используются как синонимы.

Восприятие справедливости часто носит субъективный характер, что порождает риски конфликтов и увеличения оппортунистических настроений. В одном из исследований на примере Германии показано, что улучшения в экономике и условиях жизни приводят к повышению общественных оценок справедливости проводимой региональной политики [Gniza et al., 2022]. В кризисные периоды, когда уровень жизни падает, перераспределительные меры воспринимаются более критично.

В любом случае при перераспределении ресурсов от наиболее успешных к менее успешным территориям (от доноров к реципиентам) возникает проблема баланса справедливости (справедливого распределения ресурсов, прав и обязанностей между различными территориями) и эффективности (поддержка наиболее успешных территорий, способных достигать наилучших социальных, экономических и др. результатов).

Иногда положение района-реципиента после перераспределения может оказаться более выигрышным, чем положение региона-донора [Гонтарь, 2013], в связи с перераспределением ресурсов от наиболее успешных к менее успешным территориям.

Для оценки территориального неравенства применяются различные методики. В литературе обсуждается, какие показатели для этого использовать, их преимущества и ограничения [Паршутина и др., 2018]; должны ли методики и критерии оценки быть одинаковыми для всех типов регионов или необходима модификация показателей в зависимости от тех или иных условий (географического положения и/или отраслевой специализации и пр.) [Зотиков, 2023]. При этом, безусловно, критерии отбора регионов (макрорегионов) для господдержки, реализации программ территориального развития, создания корпораций развития и пр. должны быть четкими и прозрачными [Бахтизин и др., 2016. С. 89].

В арсенале региональной политики накоплено значительное количество механизмов и инструментов сглаживания межрегионального неравенства и стимулирования развития отстающих регионов. Их изучению посвящен целый пласт литературы в России и за рубежом. В частности, исследователи выделяют три подхода к регулированию пропорций пространственного развития экономики: 1) сглаживание пространственных различий в качестве жизни; 2) ориентация усилий на экономический рост и максимизацию использования экономического потенциала регионов; 3) регулирование пространственных проблем занятости и безработицы [Колесников, Дармилова, 2014. С. 72–73]. Большое количество работ посвящено финансовым (межбюджетным) механизмам выравнивания [Барбашова, 2021; Морковкин и др., 2019; Olayele, Soo, 2020].

Еще одно популярное направление – оценка эффективности программ по выравниванию пространственных социально-экономических различий. В частности, установлено, что сама политика выравнивания имеет как позитивные, так и негативные стороны. Так, некоторые исследователи подтверждают способность межбюджетных трансфертов снижать стимулы саморазвития или негативно влиять на развитие инфраструктурных проектов [Барбашова, 2021]. И в России, и за рубежом остро стоит вопрос повышения отдачи от трансфертов. Например, установлено, что субсидии зачастую используются с возрастающей неэффективностью [Serqua, Pellegrini, 2018].

Представляют интерес исследования, направленные на выявление факторов, влияющих на эффективность выравнивающих воздействий. Среди последних выделяют структуру региональной экономики и ее специализацию [Crescenzi, Giua, 2020; Percoco, 2017], систему расселения, территориальный капитал [Fratesi, Perucca, 2019], качество региональных институтов и иные факторы [Rodríguez-Pose, Garcilazo, 2015]. Понимание причин снижения эффективности политики выравнивания в конкретных регионах имеет решающее значение для формирования стратегических приоритетов и целей [Антипин, Шишкина, 2024; Di Caro, Fratesi, 2022].

P. Doerrenberg и A. Peichl исследовали результаты новой европейской политики по межстрановому выравниванию, реализуемой в рамках инициативы ОЭСР «Новые подходы к экономическим вызовам» (NAEC), имеющей целью помочь странам не только увеличить темпы роста, но и поддержать более справедливое распределение. Ученые подтвердили, что применяемые меры, учитывающие

компромисс между справедливостью и эффективностью, способны сократить неравенство доходов, несмотря на противодействующие поведенческие реакции [Doerrenberg, Peichl, 2014].

Эффекты от политики межрегионального выравнивания могут быть краткосрочными и долгосрочными, могут иметь неустойчивые тенденции, когда после определенного периода уменьшения разрывов в уровне социально-экономического развития вновь наблюдается рост дифференциации [Ehrlich, Overman, 2020]. В частности, Е.А. Колодина, анализируя на больших временных рядах динамику показателей межрегиональной асимметрии, отмечает, что, несмотря на использование сложных механизмов перераспределения доходов, межрегиональные контрасты в России лишь нарастают [Колодина, 2019].

В свою очередь Е.М. Бухвальд отмечает: «Можно предположить, что экономическая дифференциация регионов не изменялась линейно. В ней прослеживается некоторый волнообразный тренд, суть которого в том, что в годы экономического оживления и подъема показатели дифференциации российских регионов, как правило, увеличивались, а в годы стагнации и кризисного падения производства – несколько сокращались [Бухвальд, 2020. С. 7].

Анализ методики и обсуждение

Регионы РФ различаются не только по уровню социально-экономического развития, некоторые из них имеют важное геостратегическое значение, что, безусловно, отражается на мерах пространственной политики. Для отдельных субъектов РФ создаются сравнительно более благоприятные условия. В качестве примера можно привести регионы Дальнего Востока, Арктической зоны РФ, Калининградскую область, для которых предусматривается система мер, направленная на повышение их экономического потенциала. В целом же региональная политика РФ сочетает в себе как меры стимулирования регионального развития, так и меры выравнивания.

К первым можно отнести создание территорий с особыми режимами (ОЭЗ, ТОСЭР, индустриальные парки и пр.)¹, значимые инфраструктурные и инвестиционные проекты с долей финансирования из федерального бюджета.

К сожалению, далеко не всегда они работают достаточно эффективно, о чем свидетельствуют как научные работы [Швецов, 2016], так и отчеты Счетной палаты РФ: «Меры по индивидуальной поддержке регионов... на данном этапе не оказали заметного положительного воздействия ни на финансовые показатели регионов, ни на социально-экономические показатели (количество рабочих мест, созданных резидентами, объем осуществленных резидентами инвестиций, среднемесячная

¹ См. Бюллетень Счетной палаты РФ, Преференциальные режимы. № 2 (291) 2022. С. 6–7. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/7d8/hlxwaeqw81llk92aca5pqsg36es4cmu.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).

заработная плата)»². Фиксируется лишь небольшое улучшение отдельных социально-экономических параметров³.

К инструментам второго типа можно отнести дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ. Вопреки скепсису некоторых исследователей о дестимулирующей роли дотаций [Барбашова, 2021], А.Н. Дерюгин полагает, что они не мешали большинству российских регионов развивать экономику и доходную базу бюджета на протяжении 2006–2015 гг. По его мнению, стимулы определяются тем, «в какой степени рост доходов консолидированного бюджета региона в части, опережающей рост бюджетных доходов консолидированных бюджетов всех субъектов РФ, компенсируется снижением размера выравнивающей дотации за определенный (достаточно продолжительный) период» [Дерюгин, 2016. С. 174].

Одной из последних мер, реализованных Правительством РФ, стала разработка индивидуальных программ социально-экономического развития (ИПР) на 2020–2024 гг. для десяти наиболее «проблемных» (экономически слабых, высокодотационных, плохо развитых инфраструктурно) субъектов РФ: Курганской и Псковской областей, Чувашской Республики, республик Марий Эл, Алтай, Тыва, Карелия, Калмыкия, Республики Адыгея, а также Алтайского края⁴. Они содержали меры, призванные «подтянуть» регионы к среднему по стране уровню. На каждую программу было выделено 5 млрд руб. из средств федерального бюджета⁵.

Методика интегральной оценки уровня социально-экономического развития регионов, для которых утверждены индивидуальные программы развития, базируется на расчете следующих показателей: уровень безработицы (по методологии МОТ); темп роста физического объема инвестиций в основной капитал; уровень бедности и темп роста реального среднедушевого денежного дохода населения.

В 2024 г. Счетная палата РФ провела оценку эффективности реализованных программ. В отчете ведомства отмечается, что регионы, где действовали индивидуальные программы развития, показали лучшие темпы роста контрольных индикаторов, нежели другие дотационные субъекты Федерации. Однако поставить этот эффект в заслугу именно ИПР затруднительно, поскольку в большинстве из них действовали другие механизмы стимулирования развития, включая ОЭЗ, ТОСЭР, промышленные парки⁶.

Сохраняющаяся проблема регионального неравенства, не всегда эффективные результаты государственной политики сглаживания дисбалансов актуализируют задачу «дальнейшей разработки методологических основ типизации регионов России

² Бюллетень Счетной палаты РФ, Региональное развитие. № 6 (295) 2022. С. 7–8..

³ Бюллетень Счетной палаты РФ, Преференциальные режимы. № 2 (291) 2022. С. 6–7.

⁴ Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р) (с изм. от 24.12.2021).

⁵ Там же. С. 258.

⁶ Бюллетень счетной палаты РФ № 1 (314) 2024 г. Развитие регионов. URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-1-2024> (дата обращения: 27.03.2024).

(может быть, целесообразно использовать даже несколько вариантов типизации сообразно различным критериям) ...» [Бухвальд, 2020. С. 5].

В настоящей статье для анализа межрегиональных диспропорций были выбраны группы показателей, характеризующих уровень жизни и благосостояния населения, его расходы, а также обеспеченность основными социальными благами. При формировании и оценке ИПР регионов эта группа показателей не учитывалась, хотя она в значительной мере характеризует качество жизни населения. Нередко более успешные по экономическим критериям регионы (например, по объему ВРП на душу населения) демонстрируют худшие позиции по обеспеченности врачами, больничными койками или иным показателям социальной сферы.

Проанализирована вариация показателей, ее динамика, сопоставлены их крайние (макс/мин) значения. Период исследования 2005–2022 гг. (в некоторых случаях – 2021 г.). Полигон – субъекты РФ, при этом их количество в разные периоды времени незначительно отличается, что обусловлено изменениями в административно-территориальном устройстве страны и методике статистического учета (вхождение Республики Крым в состав РФ, появление статистического учета по Тюменской области (без авт. округов) и др.), т.е. общее число регионов составляло в разные годы от 88 до 90. Указанные дисбалансы на результаты исследования существенного влияния не оказали. Результаты расчетов представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Коэффициент различий крайних значений показателей уровня жизни и благосостояния населения регионов России в 2005–2022 гг., раз

Год	Величина среднедушевых денежных доходов населения	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	Средний размер назначенных пенсий	Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума
2005	10,4	7,5	2,4	8,2
2008	8,7	5,8	2,4	6,9
2009	7,6	5,1	2,3	4,9
2010	6,7	5,1	2,4	4,9
2011	6,2	5,3	2,4	4,8
2012	6,1	4,7	2,4	4,8
2013	5,7	4,1	2,4	5,2
2014	5,2	4,2	2,4	5,3
2015	4,8	4,1	2,4	5,2
2016	4,8	4,2	2,4	5,3
2017	5,1	4,2	2,3	5,9
2018	5,1	3,9	2,3	5,9
2019	5,0	4,0	2,2	5,2
2020	5,3	4,1	2,2	6,3
2021	5,5	4,2	2,2	5,8
2022	5,5	4,3	2,2	6,7

Источник таблиц и рисунков. Расчеты авторов по данным Росстата.

В рассматриваемом периоде при общем улучшении социально-экономического положения регионов дисбалансы в их развитии сохраняются. Так, среднедушевые денежные доходы за 2005–2022 гг. по стране в целом выросли в 5,53 раза, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата – в 7,64 раза, рост пенсий составил 7,61 раза. Численность населения с доходами ниже величины границы бедности сократилась на 45,0%.

При этом межрегиональные различия по этим показателям являются устойчивыми, а распределение субъектов РФ оказывается неоднородным (коэффициент вариации по каждой группе показателей, кроме назначенных пенсий, превышает 33%).

На протяжении всего периода остается высоким уровень бедности населения (более 20%) в регионах Северного Кавказа (республики Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Чеченская) и Сибири (республики Алтай, Тыва).

Анализ распределения регионов по уровню начисленной заработной платы показывает устойчиво минимальные уровни у республик Дагестан, Ингушетия и Чечня, лидерство – у г. Москвы, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов. Отметим, что опережающая среднероссийский уровень динамика роста заработной платы характерна только для 25% регионов, расположенных преимущественно в Дальневосточном, Уральском, Северо-Западном федеральных округах.

Состав субъектов РФ, имеющих максимальные и минимальные значения среднедушевых доходов, аналогичен их распределению по начисленной заработной плате, но в лидерах оказывается еще и Ненецкий автономный округ. При анализе среднедушевых денежных доходов важно отметить регионы, имеющие существенный прирост показателя за период, но по-прежнему низкие абсолютные значения (не превышающие 80% от среднего уровня РФ) – это Ивановская область, республики Адыгея и Калмыкия. Следует обратить внимание также на регионы – «средняки», имеющие оценки показателей, близкие к медианным, но отстающие от средней по стране динамики – это Самарская, Кемеровская, Томская области. Сочетание указанных тенденций создает риски усиления диспропорциональности в будущем.

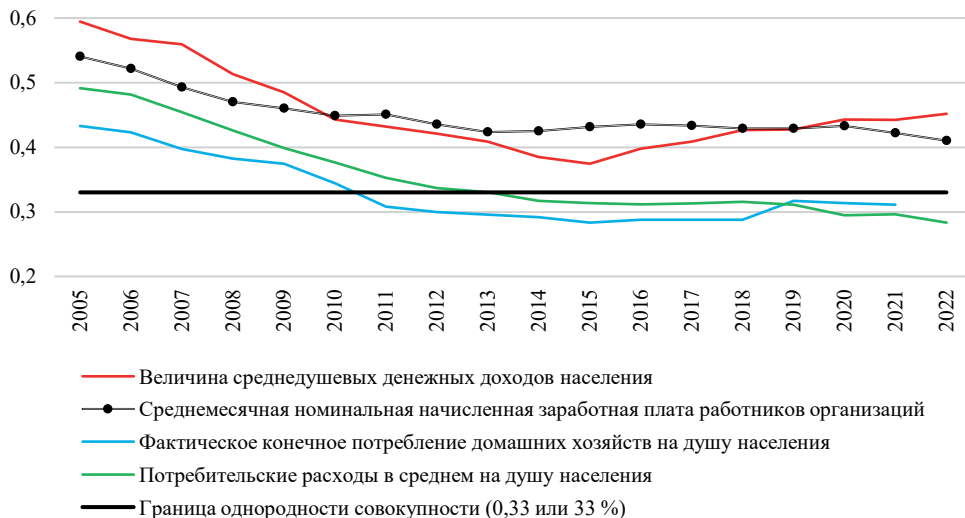
Для изучения уровня благосостояния населения регионов особое значение имеют данные о фактическом конечном потреблении домашних хозяйств. За исследуемый период потребительские расходы на душу населения выросли в 5,54 раза, при этом начиная с 2014 г. распределение показателя по регионам относительно равномерное. Структура использования денежных доходов характеризуется приростом доли расходов на покупку товаров и оплату услуг (на 12,9%), обязательных платежей и разнообразных взносов (на 54,6%), сокращением доли финансовых активов (на 82,6%). При этом диспропорциональность субъектов РФ (на основе оценки вариации) по размеру финансовых активов у населения выросла в 3,7 раза⁷.

⁷ Составлено по данным Росстата: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

Структура средних потребительских расходов домашних хозяйств за указанный период не претерпела существенных изменений: покупка продуктов питания – 35,7%, непродовольственных товаров – 35,5%, алкогольных напитков – 1,6%, оплата услуг – 27,2% (2022 г.)⁸. Распределение регионов по указанным также довольно равномерно (коэффициент вариации менее 33%).

Анализ распределения регионов страны по уровню потребительских расходов показывает сокращение разрыва максимальных и минимальных значений показателя с 22,3 (2005 г.) до 5,8 (2022 г.) раза; в 2022 г. наибольшие значения имели г. Москва (65 622 руб. в среднем на душу населения в месяц) и Сахалинская область (54 031 руб.), наименьшие – республики Калмыкия (15 205 руб.) и Ингушетия (11 361 руб. в среднем на душу населения в месяц).

Фактическое конечное потребление домашних хозяйств на территории субъектов РФ в 2005–2021 гг. увеличилось в среднем в 6,0 раза (в Чеченской Республике – в 19,8 раза), неравенство регионов по этому критерию сократилось до 6,8 раза в 2021 г. (17,2 раза в 2005 г.), но уровень неоднородности остается относительно высоким (коэффициент вариации 31,1%, что близко к границе неоднородности 33%). Максимальные показатели у г. Москвы (962 240,2 руб. в год), г. Санкт-Петербурга (774 575,4 руб.), минимальные – у Республики Ингушетия (141 873,0 руб.), Карачаево-Черкесской Республики (208 558,6 руб.). Для оценки уровня социально-экономического развития регионов в целях обоснования мер государственной поддержки особый интерес представляет сопоставление неравномерности регионов по уровню доходов и расходов (рисунок).

Коэффициенты вариации принимаемых значений показателей уровня жизни и расходов населения в регионах РФ в 2005–2022 гг.

⁸ Составлено по данным Росстата: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

За рассматриваемый период значения коэффициента вариации показателей среднедушевых денежных доходов населения и начисленной заработной платы работников организаций находятся выше порогового значения, что свидетельствует о сохраняющейся неоднородности регионов по этим показателям. При этом в последние 10 лет фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения и удельные потребительские расходы имеют значение вариации ниже порогового, что говорит о невысокой межрегиональной дифференциации. Таким образом, можно сделать вывод об относительной однородности показателей расходов в регионах и существенной диспропорциональности показателей уровня жизни и доходов. Сочетание указанных тенденций в перспективе создает риски повышения межрегиональной неоднородности, усиления социальных проблем, бедности, перераспределения потоков миграции, поскольку различия в уровне цен, стоимости жизни несколько сглаживают неравенство регионов по доходам, но практически не меняют качественную картину [Глушченко, 2022].

Важную роль в управлении межрегиональным неравенством имеет социальное обеспечение населения в сфере образования, здравоохранения, жилищных услуг.

Таблица 2. Коэффициент различий крайних значений показателей социальной обеспеченности населения регионов России в 2005–2022 гг., раз

Год	Общая площадь жилых помещений, приходящая в среднем на одного жителя	Численность населения		
		на 1 больничную койку	на 1 врача	на 1 работника среднего медицинского персонала
2005	2,7	6,3	3,6	2,7
2008	5,0	5,9	3,5	2,9
2009	3,0	4,5	3,5	3,0
2010	2,5	3,5	3,0	2,3
2011	2,3	3,1	3,2	2,1
2012	2,3	3,0	3,0	2,1
2013	2,2	3,2	3,0	2,1
2014	2,2	3,1	3,1	2,2
2015	2,5	3,1	2,7	2,3
2016	2,4	2,7	2,7	2,4
2017	2,3	3,0	2,9	2,2
2018	2,3	3,0	2,8	2,2
2019	2,4	2,9	2,9	2,1
2020	2,4	2,6	3,1	2,2
2021	2,5	2,8	2,3	1,9
2022	2,2	3,1	2,6	2,1

Обеспеченность жильем и услугами за указанный период характеризуется невысокой межрегиональной дифференциацией и инертной динамикой. Обеспеченность услугами здравоохранения имела положительную динамику: в целом по стране за исследуемый период мощность амбулаторно-поликлинических

организаций (на 10 000 человек населения посещений в смену) возросла на 16,8%, численность населения на 1 врача сократилась на 4,4%, при этом численность населения на 1 работника среднего медицинского персонала увеличилась на 7,4%, а на 1 больничную койку – на 42,2%. Межрегиональное неравенство в сфере обеспеченности медицинскими услугами имеет невысокий уровень (коэффициент вариации менее 33%), однако, несмотря на проводимую социальную политику, реализуемые программы, проекты, устойчиво сохраняется. Высокие показатели нагрузки на систему здравоохранения имеют Ленинградская, Московская, Курганская, Псковская области, Чеченская Республика.

Исследование показателей, характеризующих обеспеченность услугами образования и подготовки кадров, показало, что за рассматриваемый период охват дошкольным образованием вырос на 22%, сократились и межрегиональные отличия ($K_{ср} = 3,6$ раза в 2022 г., 11,8 раза – 2005 г.), при этом в последние годы неравномерность регионов незначительно повышается. Лидерами по охвату дошкольным образованием (число мест на 1000 детей) являются Республика Коми (1268), Ненецкий (1229) и Чукотский (1233) автономные округа, позиции аутсайдеров занимают Республика Дагестан (349), Республика Ингушетия (486), Чеченская Республика (406), среднероссийский уровень – 764.

Численность студентов вузов на 10 000 человек населения в 2005–2022 гг. сократилась на 43%, диспропорциональность региональных показателей выросла и составила в 2022 г. 207 раз (2005 г. – 14,2), коэффициент вариации – 44%. Ведущие позиции по данному показателю в 2022 г. имеют г. Москва (622 чел.) и г. Санкт-Петербург (538 чел.), наименьшие значения – Ямало-Ненецкий автономный округ (3 чел.) (в связи с наличием только филиалов вузов). Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена (на 10 000 человек населения), незначительно выросла в 2022 г. относительно уровня 2005 г., при этом распределение регионов за период однородно (коэффициент вариации ниже 33%). Лидеры – Пермский край (308 чел.), Оренбургская область (249 чел.), Омская область (269 чел.), аутсайдер – Ленинградская область (84 чел.).

Для оценки *результативности* политики, направленной на снижение межрегиональной неоднородности, проанализируем данные о распределении (по возрастанию) федеральных округов по рассматриваемым показателям, а также размах вариации, что позволит оценить, насколько сильно отличаются субъекты внутри округа (табл. 3).

Анализ данных показывает относительную однородность (коэффициент вариации менее 0,33) регионов внутри федеральных округов по показателям среднедушевых денежных доходов населения, средней заработной платы (исключение – УФО, ДФО, ЦФО) и размера пенсий в 2022 г. Исследование вариации показателей демонстрирует тенденции к сглаживанию диспропорций. При этом более однородное распределение характерно для округов с наименьшими абсолютными значениями показателей (ПФО, ЮФО, СКФО). Там, где значения выше среднероссийских,

Оценка межрегиональных диспропорций в контексте политики выравнивания пространственного развития РФ

неоднородность распределения регионов выше (УФО, ЦФО, ДВО). Кроме того, распределение округов по группам с показателями выше (ниже) среднероссийского уровня постоянно, а позиции регионов более динамичны.

Таблица 3. Распределение федеральных округов по показателям уровня жизни, благосостояния и расходов населения в 2005–2022 гг.

Год	Коэффициент вариации субъектов внутри округа					
	величина средне-душевых денежных доходов населения	средне-месячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	средний размер назначенных пенсий	численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума	потребительские расходы в среднем на душу населения	фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения на территории субъектов РФ (2021)
Ниже среднероссийского уровня (абсолютный уровень показателя)						
2005	СКФО (0,21) ЮФО (0,28) ПФО (0,31) СФО (0,22)	СКФО (0,17) ЮФО (0,14) ПФО (0,15) СФО (0,21)	ЦФО (0,04) ЮФО (0,03) СКФО (0,07) ПФО (0,03)	СЗФО (0,26) УФО (0,56)	СКФО (0,37) ПФО (0,36) ЮФО (0,34) СФО (0,33) ДФО (0,23)	СКФО (0,41) ЮФО (0,24) ПФО (0,29) СФО (0,23)
2022	СКФО (0,15) ЮФО (0,20) СФО (0,22) ПФО (0,19)	СКФО (0,07) ЮФО (0,09) ПФО (0,10) СФО (0,21)	ЮФО (0,04) СКФО (0,06) ПФО (0,04) СФО (0,07)	ЦФО (0,25) СЗФО (0,28) УФО (0,40)	СКФО (0,27) СФО (0,20) ПФО (0,19) УФО (0,24) ЮФО (0,30)	СКФО (0,27) СФО (0,15) ПФО (0,18) ЮФО (0,28) УФО (0,26)
Выше среднероссийского уровня (абсолютный уровень показателя)						
2005	ДФО (0,39) СЗФО (0,51) УФО (0,60) ЦФО (0,72)	СЗФО (0,44) ЦФО (0,32) ДФО (0,37) УФО (0,61)	СЗФО (0,12) УФО (0,22) СФО (0,05) ДФО (0,24)	ЦФО (0,29) ПФО (0,30) ДФО (0,22) СФО (0,38) ЮФО (0,52) СКФО (0,42)	СЗФО (0,28) УФО (0,43) ЦФО (0,71)	ДФО (0,28) СЗФО (0,27) УФО (0,20) ЦФО (0,62)
2022	УФО (0,50) ДФО (0,39) СЗФО (0,44) ЦФО (0,35)	УФО (0,43) СЗФО (0,29) ДФО (0,37) ЦФО (0,39)	ЦФО (0,05) УФО (0,19) ДФО (0,20) СЗФО (0,16)	ПФО (0,24) ЮФО (0,30) ДФО (0,36) СФО (0,30) СКФО (0,33)	ДФО (0,21) СЗФО (0,19) ЦФО (0,32)	ДФО (0,24) СЗФО (0,25) ЦФО (0,33)

Исследование данных о конечном потреблении и потребительских расходах населения показывает: полярные позиции устойчиво занимают СКФО и ЦФО и субъекты в их составе, для всех округов характерно снижение дифференциации регионов внутри них; но в целом размер вариации по этой группе показателей существенно выше, чем по уровню жизни населения.

Анализ показателей социального обеспечения (табл. 4) демонстрирует наибольшую динамику в распределении федеральных округов относительно среднероссийского уровня, при общей для всех округов тенденции к сокращению внутрирегиональных отличий.

Таблица 4. Распределение федеральных округов по показателям социальной обеспеченности населения регионов в 2005–2022 гг.

Год	Коэффициент вариации субъектов внутри округа			
	общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	численность населения на 1 больничную койку	численность населения на 1 врача	численность населения на 1 работника среднего медицинского персонала
Ниже среднероссийского уровня (абсолютный уровень показателя)				
2005	СКФО (0,22)	ДФО (0,24)	СЗФО (0,23)	ПФО (0,09)
	ЮФО (0,07)	СФО (0,12)	ДФО (0,20)	УФО (0,10)
	ДФО (0,14)	ЦФО (0,11)	СФО (0,17)	СФО (0,08)
	СФО (0,13)	ПФО (0,14)	ЦФО (0,22)	ДФО (0,16)
	УФО (0,07)			СЗФО (0,22)
	ПФО (0,05)			
2022	СКФО (0,18)	ДФО (0,16)	СЗФО (0,26)	УФО (0,18)
	ДФО (0,14)	СФО (0,16)	ДФО (0,22)	ДФО (0,19)
	СФО (0,13)	СЗФО (0,19)	ЦФО (0,15)	СФО (0,11)
	ЮФО (0,10)	УФО (0,08)		СЗФО (0,25)
	УФО (0,07)	ПФО (0,12)		ПФО (0,08)
Выше среднероссийского уровня (абсолютный уровень показателя)				
2005	ЦФО (0,06)	УФО (0,10)	ПФО (0,16)	ЦФО (0,11)
	СЗФО (0,08)	СЗФО (0,12)	ЮФО (0,18)	ЮФО (0,14)
		ЮФО (0,11)	СКФО (0,27)	СКФО (0,21)
		СКФО (0,33)	УФО (0,24)	
2022	ЦФО (0,09)	ЮФО (0,08)	СФО (0,11)	СКФО (0,07)
	ПФО (0,05)	ЦФО (0,15)	УФО (0,28)	ЦФО (0,12)
	СЗФО (0,09)	СКФО (0,21)	ПФО (0,11)	ЮФО (0,12)
			ЮФО (0,15)	
			СКФО (0,19)	

За исследуемый период общий уровень межрегиональной дифференциации изменился незначительно, хотя разрыв крайних значений показателей сократился. Проведенный анализ показал, что большинство регионов, имеющих низкий уровень жизни, включены в Комплекс мероприятий, направленный на поддержку и развитие отдельных субъектов Российской Федерации⁹, однако его ключевые меры

⁹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 N2765-р) (с изм. от 24.12.2021).

сфокусированы на решении задач развития инфраструктуры, а не на повышении уровня жизни, что не всегда эффективно для решения социальных проблем. Устойчиво лидирующие позиции ДФО обусловлены реализуемым здесь комплексом мероприятий по его опережающему развитию. Несмотря на меры по развитию Северного Кавказа, положение регионов в его составе остается проблемным по большинству рассматриваемых показателей.

На основе проведенного исследования выделим ключевые тенденции и риски:

- наибольшая межрегиональная дифференциация сохраняется по показателям благосостояния населения, в последние годы растет доля бедных в стране;

- на протяжении всего рассмотренного периода устойчивым является отставание по уровню жизни, доходам населения, социальному обеспечению регионов Северного Кавказа;

- в кризисные периоды (2008–2009, 2014, 2020, 2022 гг.) диспропорциональность регионов остается стабильной, а в некоторых случаях сокращается, что обусловлено снижением максимальных показателей в регионах-лидерах;

- риски повышения региональных дисбалансов социально-экономического развития в будущем создают инертная динамика и невысокие абсолютные значения ряда рассмотренных показателей в регионах-«средняках» (имеющих средние значения) – Ивановской, Томской, Самарской и Кемеровской областях и др.;

- отмечается усиление неоднородности регионов по доходам населения и сглаживание по средним расходам, что может говорить о схожести потребления (высокой доле расходов на обязательные платежи);

- инертность динамики распределения федеральных округов по уровню жизни, благосостоянию и расходам населения позволяет говорить об относительной успешности проводимой государственной политики по выравниванию территорий.

Выводы

Оценка дисбалансов социально-экономического развития регионов в контексте обоснования мер государственной поддержки показала сохраняющуюся в течение длительного времени неравномерность регионального развития, инертность динамики разрывов показателей уровня жизни, социального обеспечения. Межрегиональное неравенство остается фундаментальной характеристикой пространства нашей страны, при этом конвергенция социального обеспечения населения становится основой устойчивости регионов в долгосрочной перспективе и периоды кризисов.

Динамика сокращения межрегиональных различий имеет неустойчивый характер. И хотя политика по выравниванию территорий показала относительную успешность, на наш взгляд, требуется совершенствование методического обеспечения оценки социально-экономического развития регионов, позволяющего не только выделять регионы-лидеры и аутсайдеры, но и своевременно фиксировать возникновение негативных тенденций в регионах-«средняках», в целях предупреждения углубления региональных дисбалансов.

Планирование и реализация мер государственной поддержки актуализируют вопросы территориального районирования с учетом взаимозависимостей регионов, совершенствования их взаимодействия, а также социально-экономической, а не чисто экономической оценки эффективности управленческих решений.

Литература/References

- Антипин И.А., Шишкина Е.А. Стратегическое управление диспропорциями социально-экономического и пространственного развития регионов России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 247. № 3. С. 179–201. DOI: 10.38197/2072–2060–2024–247–3–179–201. – EDN QJOKSO
- Antipin, I. A., Shishkina E.A. (2024). Strategic management of the imbalances of socio-economic and spatial development of the regions of Russia. *Scientific papers of the Free Economic Society of Russia*. Vol. 247. No. 3. Pp. 179–201. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072–2060–2024–247–3–179–201. EDN QJOKSO
- Барбашова Н.Е. Создает ли методика межбюджетного выравнивания отрицательные стимулы для инфраструктурного развития регионов? Финансы: теория и практика. 2021. № 25(1). С. 22–34.
- Barbashova, N.E. (2021). Does intergovernmental equalization create disincentives for regional infrastructural development? *Finance: Theory and Practice*. No. 25(1). Pp. 22–34. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2021–25–1–22–34
- Бахтизин А. Р., Бухвальд Е. М., Кольчугина А. В. Выравнивание регионов в России: иллюзии программы и реалии экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 1. С. 76–91. – EDN VLFOET.
- Bakhtizin, A. R., Bukhvald, E. M., Kolchugina, A.V. (2016). Alignment of regions in Russia: illusions of the program and reality of the economy. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 1. Pp. 76–91. (In Russ.). EDN VLFOET.
- Бухвальд Е.М. Управление пространственным развитием российской экономики: цели и инструменты // Управленец. 2020. Т. 11. № 6. С. 2–14.
- Bukhvald, E.M. (2020). Managing the spatial development of the Russian economy: Goals and tools. *Upravlenets – The Manager*. Vol. 11. No. 6. Pp. 2–14. (In Russ.). DOI: 10.29141/2218–5003–2020–11–6–1
- Глушченко К.П. Где на Руси жить хорошо? // ЭКО. 2022. № 6(576). С. 168–177. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2022–6–168–177
- Glushchenko, K. P. (2022). Where in Russia is it good to live? *ECO*. No. 6(576). Pp. 168–177. DOI 10.30680/ECO0131–7652–2022–6–168–177
- Гонтарь Н.В. Подходы к формированию концепции территориальной справедливости // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 245–259.
- Gontar', N.V. (2013). Approaches to the formation of the concept of territorial justice. *Socio-economic Geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers and Social Scientists*. No. 2. Pp. 245–259. (In Russ.).
- Дерюгин А.Н. Выравнивание регионов: сохраняются ли стимулы к развитию? // Экономическая политика. 2016. Т. 11, № 6. С. 170–191.
- Deryugin, A.N. (2016). Regional Equalization: Are there Incentives to Development? *Economic Policy*. Vol. 11, No. 6. Pp. 170–191. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994–5124–2016–6–08

Оценка межрегиональных диспропорций в контексте политики выравнивания пространственного развития РФ

- Зотиков Н.З. Проблемы социально-экономического выравнивания промышленных, сырьевых, агропромышленных регионов (на примере Уральского федерального округа) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 8 (478). С. 73–86.
- Zotikov, N.Z. (2023). Problems of socio-economic alignment of industrial, raw materials, agro-industrial regions (by the example of the Ural Federal District). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. No. 8 (478). Pp. 73–86. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994–2796–2023–478–8–73–86
- Колесников Ю.С., Дармилова Ж.Д. Совмещение принципов эффективности и социальной справедливости в региональной экономической политике как императив управления пространственным развитием России // Journal of Economic Regulation. 2014. Т. 5, № 2. С. 70–81.
- Kolesnikov, Yu. S., Darmilova, Zh. D. (2014). Combining the principles of efficiency and social justice in regional economic policy as an imperative to control the spatial development of Russia. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 5, No. 2. Pp. 70–81. (In Russ.).
- Колодина Е.А. Исследование результативности выравнивающей региональной политики в Российской Федерации // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. № 4 (60). С. 7.
- Kolodina, E.A. (2019). The research of regional leveling policies effectiveness in the Russian Federation. *Regional economics and management: electronic scientific journal*. No. 4(60). Pp. 7. (In Russ.).
- Морковкин Д.Е., Строев П.В., Шапошников А.И. Финансовая поддержка регионов как инструмент выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 4. С. 57–68.
- Morkovkin, D.E., Stroeov, P.V., Shaposhnikov, A.I. (2019). Financial Support of Regions as a Tool to Equalize Budgetary Security of the Constituent Entities of the Russian Federation. *Finance: Theory and Practice*. Vol. 23. No. 4. Pp. 57–68. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2019–23–4–57–68
- Паршутина И.Г., Соколова Н.Н., Захаркина Н.В. Совершенствование методики оценки уровня социально-экономического развития регионов для определения направлений их "выравнивания" // Вестник ОрелГИЭТ. 2018. № 1(43). С. 24–32.
- Parshutina, I. G., Sokolova, N. N., Zakharkina, N. V. (2018). Perfection of ratings technique of the level of social and economic development of the regions for determination of the directions of their "levelling". *OrelSIET bulletin*. No.1 (43). Pp. 24–32. (In Russ.).
- Швецов А.Н. «Точки роста» или «черные дыры»? (К вопросу об эффективности применения "зональных" инструментов госстимулирования экономической динамики территорий) // Российский экономический журнал. 2016. № 3. С. 40–61.
- Shvetsov, A. N. (2016). "Growth points" or "black holes"? (On the issue of the effectiveness of the use of "zonal" tools to stimulate the economic dynamics of territories). *Russian Economic Journal*. No. 3. Pp. 40–61. (In Russ.).
- Cerqua, A., Pellegrini, G. (2018). Are we spending too much to grow? The case of Structural Funds. *Journal of Regional Science*. Vol. 58. No. 3. Pp. 535–563. DOI:10.1111/jors.12365
- Crescenzi, R., Giua, M. (2020). One or many Cohesion Policies of the European Union? On the differential economic impacts of Cohesion Policy across member states. *Regional Studies*. Vol. 54. No. 1. Pp. 10–20. DOI:10.1080/00343404.2019.1665174
- Demeterova, B., Fischer, T., Schmude, J. (2020). The right to not catch up – transitioning European territorial cohesion towards spatial justice for sustainability. *Sustainability*. Vol. 12. No. 11. P. 4797.

- Di Caro, P., Fratesi, U. (2022). One policy, different effects: Estimating the region-specific impacts of EU cohesion policy. *Journal of Regional Science*. Vol. 62. No. 1. Pp. 307–330. DOI:10.1111/jors.12566
- Dorrenberg, P., Peichl A. (2014). The impact of redistributive policies on inequality in OECD countries. *Applied Economics*. Vol. 46. No. 17. Pp. 2066–2086. DOI: 10.1080/00036846.2014.892202
- Ehrlich, M., Overman, H.G. (2020). Place-based policies and spatial disparities across European cities. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 34. No. 3. Pp. 128–149. DOI: 10.1257/jep.34.3.128.
- Fratesi, U., Perucca, G. (2019). EU regional development policy and territorial capital: A systemic approach. *Papers in Regional Science*. Vol. 98. No. 1. Pp. 265–281. DOI: 10.1111/pirs.12360
- Gniza, J., Abraham, M., Lehmann, I., Lorek, K. (2022). Expecting equality or efficiency? A factorial survey on the justice perception of regional redistributive policies. *Regional Studies*. Vol. 56. No. 11. Pp. 1934–1948. DOI:10.1080/00343404.2021.2018129
- Israel, E., Frenkel, A. (2018). Social justice and spatial inequality: Toward a conceptual framework. *Progress in Human Geography*. Vol. 42. No. 5. Pp. 647–665.
- Madanipour, A., Shucksmith, M., Brooks, E. (2022). The concept of spatial justice and the European Union’s territorial cohesion. *European Planning Studies*. Vol. 30. No. 5. Pp. 807–824. DOI:10.1080/09654313.2021.1928040
- Moroni, S. (2020). The Just City. Three Background Issues: Institutional Justice and Spatial Justice, Social Justice and Distributive Justice, Concept of Justice and Conceptions of Justice. *Planning Theory*. Vol. 19. No. 3. Pp. 251–267. DOI:10.1177/1473095219877670
- Olayele, B. F., Soo, K. T. (2020). Redistributive fiscal policies and regional economic disparities. *Cogent Economics & Finance*. Vol. 8. No. 1. Pp. 1853326. DOI:10.1080/23322039.2020.1853326
- Percoco, M. (2017). Impact of European Cohesion Policy on regional growth: Does local economic structure matter? *Regional Studies*. Vol. 51. No. 6. Pp. 833–843. DOI:10.1080/00343404.2016.1213382
- Pirie, G. H. (1983). On spatial justice. *Environment and Planning A*. Vol. 15. No. 4. Pp. 465–473.
- Rodríguez-Pose, A., Garcilazo, E. (2015). Quality of government and the returns of investment: Examining the impact of cohesion expenditure in European regions. *Regional Studies*. Vol. 49. No. 8. Pp. 1274–1290. DOI:10.1080/00343404.2015.1007933
- van Vulpen, B. (2023). The ‘right’ policy for regional development: seeking spatial justice in the Dutch case of the region deals. *European Planning Studies*. Vol. 31. No. 9. Pp. 1823–1841. DOI: 10.1080/09654313.2022.2140584

Статья поступила 17.03.2025

Статья принята к публикации 30.03.2025

Для цитирования: Антипин И.А., Власова Н.Ю., Шишкина Е.А. Оценка межрегиональных диспропорций в контексте политики выравнивания пространственного развития РФ // ЭКО. 2025. № 2. С. 197–213. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2025–2–197–213

Информация об авторах

Антипин Иван Александрович (Екатеринбург) – доктор экономических наук, доцент. Уральский государственный экономический университет.

E-mail: aia87@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8532-6303

Власова Наталья Юрьевна (Екатеринбург) – доктор экономических наук, профессор. Уральский государственный экономический университет.

E-mail: nat-vlasova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0472-671X

Шишкина Елена Александровна (Екатеринбург) – доктор экономических наук, доцент, профессор. Уральский государственный экономический университет.

E-mail: le_gre@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1280-3105

Summary

I.A. Antipin, N.Yu. Vlasova, E.A. Shishkina

Assessment of Interregional Disparities in the Context of Spatial Development Leveling Policy of the Russian Federation

Abstract. The paper describes the results of comparative analysis of socio-economic development of Russian regions, that allow assessing the effectiveness of the implemented policy of smoothing spatial differences. It is shown that the problem of interregional inequality and uneven development remains relevant, especially in terms of certain indicators. According to the authors, when implementing measures of state support, special attention should be paid not only to the regions-outsiders, but also to the regions that have a median position in key parameters. In this regard, the issues of territorial zoning are actualized, taking into account the interdependencies of the subjects of the Russian Federation, their cooperation, as well as the assessment of socio-economic efficiency of management decisions.

Keywords: *spatial development; spatial inequality; regional asymmetry; territorial justice; leveling; regional policy*

For citation: Antipin, I.A., Vlasova, N.Yu., Shishkina, E.A. (2025). Assessment of Interregional Disparities in the Context of Spatial Development Leveling Policy of the Russian Federation. *ECO*. No. 2. Pp. 197–213. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-2-197-213

Information about the authors

Antipin, Ivan Aleksandrovich (Yekaterinburg) – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor. Ural State University of Economics.

E-mail: aia87@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8532-6303

Vlasova, Natalia Yurievna (Yekaterinburg) – Doctor of Economics, Professor. Ural State University of Economics.

E-mail: nat-vlasova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0472-671X

Shishkina, Elena Alexandrovna (Yekaterinburg) – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor. Ural State University of Economics.

E-mail: le_gre@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1280-3105